

В эти сообщения желательно включить:

— краткие сведения об отделении (или секции): время создания, структура, основные направления исследований (1 стр.);

— информацию о работе, проведенной в 1989—1993 гг., о завершенных исследованиях, об изданных работах (указать монографии и сборники), о конференциях и симпозиумах, о подготовке научных кадров по истории науки и техники, о международных научных связях и т. д. (3—4 стр.)»

В период работы пленума были организованы заседания секций истории: химии и биохимии, биологии, геологии и географии, кораблестроения, транспорта, физики, строительной техники, машиностроения, а также секций общих проблем истории естествознания, историографии и источниковедения, на которых было заслушано и обсуждено свыше 20 докладов.

26—28 мая 1992 г. Москва. В ИИЕТ проходила XXXIV конференция аспирантов и молодых специалистов по истории науки и техники. На секциях истории: техники, геолого-географических наук, химии, биологической и биоорганической химии, биологии, математики, астрономии, а также секции наукоемкости и общих проблем истории науки было представлено около 50 докладов и сообщений специалистов из Балаково, Бобруйска, Волгограда, Киева, Кривого Рога, Мелитополя, Минска, Москвы, Переяслава Хмельницкого, Санкт-Петербурга, Ферганы, Харькова, Худжанда, Шекино.

16 июня 1992 г. Москва. В ИИЕТ состоялось юбилейное заседание Ученого совета, посвященное 110-летию со дня рождения Леона Абгаровича Орбели (1882—1958), на котором с докладами, сообщениями и воспоминаниями выступили П. В. Симонов, А. А. Баев, О. Г. Газенко, М. Г. Ярошевский, Т. М. Турпаев, Л. И. Чилингарян, Э. А. Костандов,

Н. А. Тушмалова, В. Д. Есаков, Н. А. Григорян и др.

25—27 июня 1992 г. Москва. При участии информационного центра ООН в Москве состоялся Евразийский форум гуманитарных сил на тему «Человек в изменяющейся Евразии». Он проходил под девизом «Евразия — наш общий дом». На форум были представлены следующие проекты программ, рассматривавшиеся на секционных заседаниях и «круглых столах»: 1. Концепция экологизации образования; 2. Гуманитарно-просветительская программа «Экологическая энциклопедия мира»; 3. Концептуальный проект Евразийского транснационального гуманитарного центра «Интергород»; 4. Инвестиционный фонд «Евразия — 3000»; 5. Памятники культуры Евразии; 6. Концепция «Цивилизационные аспекты эволюции глобальных систем»; 7. Свободный Евразийский интеллект; 8. Социально больная семья и дети группы риска; 9. Программа межкультурного общения для семей, сменивших среду обитания; 10. Здоровье женщины через планирование семьи; 11. Будущее женщины и религия; 12. Программа «София» (Мудрость женщины XX века); 13. Система гуманитарного образования на основе инвариантных технологий; 14. Программа «Связь времен. Связь народов»; 15. Проект «Российско-японский культурно-коммерческий центр»; 16. Инициативный проект «Артпанорама»; 17. Гуманитарно-экономическая программа «Помощь пострадавшим от чернобыльской катастрофы»; 18. Проект Центра медико-психологической экологии; 19. Программа «Экологически чистые продукты».

26 июня 1992 г. Москва. В ИИЕТ была принята бразильская делегация в составе д-ра Маурицио Пазини Брандао (капитана авиации и специалиста по анализу аэропластической устойчивости, аэродинамики и аэроакустики) и Луиса Альберта Симеони (эксперта в области науки и техники посольства Бразилии).

От редакции

Николай Александрович Фигуровский (1901—1986) читал лекции по истории химии на химическом факультете МГУ почти 40 лет (с 1947 г.). Их до сих пор вспоминают и молодые кандидаты наук, окончившие химфак 10 лет назад, и почтенные мэтры, уже и сами много сделавшие в науке. Профессор химического факультета, заведующий кафедрой электрохимии Борис Борисович Дамаскин — один из тех, кто также слушал лекции Николая Александровича. «Правда, это было уже давно, — рассказывает он, — но когда приблизилось время зачета и надо было готовиться, как-то само собой получилось, что строчки конспекта и характерные интонации и выражения лектора выстроились в некоем порядке... Словом, получилась почти поэма...»

Б. Б. ДАМАСКИН

КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ Н. А. ФИГУРОВСКОГО

Еще до Римского пожара
Мы у Лукреция у Кара
Читаем: жил-был Демокрит
Был образован, знаменит,
Умней он был профессоров
И современных докторов.
И вслед философу Левкиппу
Случилось как-то Демокрипу
Об атомах затеять спор.
В сужденьях был он очень скор
И заявил без лишних слов,
Что, мол, основа из основ
Природы, мира — это атом,
Но не согласен был с собратом
Другой мыслитель тех времен.
Он тоже был велик, умен —
Всем вам известный Аристотель.
Он в мысли сказочном полете
Тожe умел объять весь мир,
Этот философ и кумир.
В наш век ученые считают,
Что атом знали и в Китае:
Китайский атом мудрецы
Назвали сокращенно «цы».
Имел тогда ученый ранг
Мудрец китайский Вэй Поян,
И, чтобы вечно жить на свете,
Он эликсир готовил, дети.
И точно: выпив эликсир,
Попал в иной он, вечный мир.

Бывают же дела такие...
Но вот уж мы в Александрии.
Здесь, как Меньшуткин говорит,
Читал Гиппарх, потом Евклид,
И даже ряд преславных лет
Здесь проработал Архимед.
Писал здесь Зосимус труды
О свойствах ртути и воды
И даже химией назвал
Все то, о чем понаписал.
Затем арабский халифат
Александрию, говорят,
Где все науки расцвели,
Рукой небрежной стер с земли.
И все покрылось прахом, дети.
Арабы ж, надобно заметить,
Чужую мудрость понабрав,
Чужие книги прочитав,
Тожe неплохо стали мыслить.
Из мудрецов их перечислить
Должны мы Гебера, Рази
И Авиценну. Но вблизи
На них взглянув, вы все поймете,
Что в них все тот же Аристотель,
Все те же принципы и ртуть
Беднягам не дают вздохнуть.
И жажда золота не в меру,
Мешают ртуть они и серу,
Перегоняют, кипятят,
Но отступиться не хотят.

Проходят годы, сотни лет,
А золота все нет и нет.
Уже арабов перебили,
Уже схоласты стали в силе,
Уже Альберт Больштедтский сам
Стал обращаться к небесам,
Уж вторил оному Бэкон,
Уж Луллием сменился он,
Уж черной магии следы
Все их запутали труды,
Уже открыты семь планет,
А золота все нет и нет.
И вот тогда увидел цель
Вдруг в медицине Парацельс:
«К лекарствам химики должны
Переключить свои умы!»
И выйдя эдак на арену,
Громить он начал Авиценну,
Ругал его, как только мог,
И книги все его пожег.
Хоть был хвастун он и трепач,
Но все же опытный был врач,
И почитателей шалман
За ним таскался по пятам.
Из современников его
Мы назовем лишь одного:
Георга, дети, Агриколу.
Металлургическую школу
Своим твореньем создал он —
Недаром был Георг умен.
Да жаль беднягу-человека —
Прожил чуть более полвека.
Но вижу я, у вас вопросы:
Куда же делся Ломоносов?
Прошу вас, успокойтесь, дети,
Он появляется на свете,
Когда в истории идет
Семьсот одиннадцатый год.
Родился он на Белом море,
Окончил школу, ну и вскоре
Пешком отправился в Москву.
Но биографию прерву
На этом самом месте я,
Жалея вас, мои друзья.
Такого не было вопроса,
Чтоб не коснулся Ломоносов:
Он и физхимию читал,
Поэмы и стихи слагал,
Открыл движения закон,
Всю жизнь не верил в флогистон,
Не верил также в теплород,
Стремился просвещать народ,
Был физик, химик и поэт,
И вот до нас за двести лет

В небезызвестном вам году
Он основал наш МГУ.
Труды ж его в архивном хламе
Хранились, деточки, веками
И увидали белый свет
Спустя лишь полтора года лет.
А между тем, друзья, в Европе
Народ ученый мысли копил:
Ньютон и Бойль, Руэль и Шталь —
Только на них мне время жаль,
А потому скажу лишь, дети,
Что в восемнадцатом столетье
Тревожить газы стали ум,
Причиной стали многих дум.
Затем пришли и результаты,
И отмечать мы стали даты:
Открыл Кавендиш водород,
Шееле с Пристли — кислород,
Открыт был хлор, СО, азот,
Описан сероводород,
И даже, сам не знаю как,
Но был получен аммиак.
Тогда ж в Европе флогистон
Был почитаем, как закон.
Пневматики смотрели в оба,
Но верили в него до гроба.
А в это время на земле
Жил-был юрист Лавуазье.
Забросив дело адвоката,
Он от зари и до заката
Все окислял и разлагал,
Пока вдруг всем не доказал
В течение ряда славных лет,
Что флогистон есть дикий бред.
Наш Антуан был не дурак:
Вступил он в выгоднейший брак,
Взял графский титул, а потом
Был много лет откупщиком.
Он, говоря без лишнего слов,
Сумел нажить себе врагов,
И в революции раскаты
Народ потребовал расплаты.
Тогда, суровой во сто крат,
Чем Мирабо или Марат,
Страною правил Робеспьер,
Сторонник самых крайних мер.
И откупщик наш был казнен.
Напрасно возмущался он.
В последний раз Лавуазье
Друзья промолвили: «Адье!»
У англосаксов той порой
Над затуманенной землей
Вслед Хиггинсу без промедлений
Открывший кратных отношений

Преудивительный закон
Работать начал Джон Дальтон.
Скажу в конспекте этом сжатом,
Что снова, дети, ввел он атом.
Идея хоть была не новой,
Но все ж с научною основой.
Затем ввели атомный вес
И прочих множество чудес.
На первых, кажется, порах
В соединительных весах,
В эквивалентах и во всем
Стоял поистине содом.
Даже гигантами ума,
Как сам Берцелиус, Дюма,
Каким был Либих, Гей-Люссак,
Не был вопрос решен никак.
Работая по мере сил,
К тем временам уже открыл
А. Авогадро свой закон,
Ампером был он подтвержден,
Но только с помощью Жерара
Спустия полвека Каниццаро
Сумел все чинно и спроста
Поставить на свои места.
Тогда ж в минуту вдохновенья
Создал теорию строенья
Наш Бутлеров — ученый муж
И патриот еще к тому ж.
В период страшный произвола
Его и зининская школа
Дала России в пару лет

Химический приоритет.
И здесь, затмив собой плембеев,
Явился гений — Менделеев.
Когда он жил и где родился,
Когда, и где, да как учился,
Перечислять не буду я —
Вы это знаете, друзья.
Но главное, чем славен он, —
Периодический закон.
В момент открытия и потом
Спокойно было все кругом,
Молчали химики всех стран,
Но вот Лекок Буабодран
Спустия шесть лет
Открыл вдруг галлий,
Чьи свойства сразу показали,
Что он и есть такой металл,
Как Менделеев предсказал.
Прошел ряд лет, и вот уж, дети,
Закон был в творческом расцвете,
Он развит был, и в наши дни
Вы верить все в него должны.
Теперь же, взгляд куда ни брось,
Ученых столько развелось,
Что уж не в силах больше я
О них рассказывать, друзья.
Мой курс, возможно, очень краток.
Это, конечно, недостаток.
Но вы читайте сами, дети,
О тех, кто жил еще на свете.